

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ:

Ищу выход из кризиса жанра

В 1997 году Геннадий ХАЗАНОВ, всенародно любимый артист, взвалил на себя нелегкое бремя – стал художественным руководителем Театра эстрады и вот уже четвертый год лавирует в поисках новых и неожиданных путей для этого сценического образования. Магистральное направление – превратить бывшую концертную площадку для разовых выступлений в полноценный театр. Хазанов уже успел расстаться со многими иллюзиями и утопиями, пережил немало конфликтных ситуаций и горд тем, что в зрительном зале каждый вечер – анилагги. Одновременно и сам артист практически поменял актерское амплуа. Играет в драматических спектаклях. Сценический опыт пока небольшой – три роли (“Ужин с дураком”, “Птицы”, “Труп на теннисном корте”) плюс давнее участие в спектакле “Игроки” в постановке С.Юрского. Последнюю премьеру, “Труп на теннисном корте”, где Хазанов играет в дуэте с А.Филиппенко, критики дружно лягнули. Хазанов расстроился. Хотя обиделся больше на побочно-умозрительные обвинения, а не на творческие. И продолжил работать. Проснувшись утром после премьеры, вдруг подумал: быть может, в спектакле что-то не срабатывает из-за неточного перевода? Затребовал английский оригинал, оказалось – так и есть. Вызвал режиссера Е.Каменьковича и взялся за уточнение деталей постановки. Скажите на милость, многим ли антрепризным актерам придет такое в голову? Потому и наш разговор с Геннадием Викторовичем начался очень конкретно.

– У нас не было отношения к этому спектаклю как к вульгарному способу зарабатывания денег. И я должен успокоить тех, кто нас в этом обвиняет. Для легких заработков куда проще ездить по городам и весям, торгуя своими фамилиями, как это делает большинство антреприз. Хотя если смотреть на гастроли исключительно с подобной точки зрения, то почему бы не обвинить в этом же, скажем, Художественный театр, который выезжает куда-нибудь в Красноярск?

Пьеса Э.Шеффера игралась во всем мире. Л.Оливье, между прочим, был прототипом “Оскара” за роль в фильме по этому произведению. Так что претензии к драматургии для меня не являются основательными. А художественные претензии, конечно, могут быть, ведь спектакль находится в начальной стадии жизни. Он наверняка будет меняться, наработывать внутренние связи, уточнять мотивации поведения героев. Но обвинять нас в том, что мы слепили нечто для пополнения собственного кармана, – нет уж, извините.

– У нынешних режиссеров и руководителей театров есть две точки зрения на театр. Одни, их явное меньшинство, рассматривают свою деятельность как поиск, лабораторный эксперимент, их больше интересует процесс, нежели результат. Все остальные в качестве главного критерия называют успех у публики. Худрук Театра эстрады, конечно, разделяет последнюю точку зрения?

– Любой спектакль сделан для того, чтобы его смотрели. Причем не критики, приходящие по приглашению билетам, а те, кто за это платит деньги. Таким образом,

любой произведенный продукт, как любит говорить Л.Трушкин, рассчитан на его реализацию. Хотим мы того или нет, но зал Театра эстрады на 1300 мест диктует свои условия. Да, гениальный, с моей точки зрения, спектакль П.Фоменко “Одна абсолютно счастливая деревня”, там фантастическая анжамбля, фантастический ансамбль. Но у них зал на 100 человек, а значит, он всегда будет заполнен. Для нас же играть в полупустом зале – непозволительная роскошь. И не только потому, что это экономически невыгодно, это просто унижительно. Но стремление к аншлагам вовсе не значит, что здесь надо порнографию разводить. Хотя должен сказать, что и на порнографию сегодня много народу не соберешь, для этого есть ночные клубы. Это ведь только в советскую эпоху театр не зависел от того, сколько зрителей в зале. Соберут ползала или треть – государство всю выручку заберет в общий котел, а работники театров будут сидеть на одинаковых окладах. Но сегодня мы имеем насыщенный рынок, конкуренция бешеная. И потому я как худрук должен постоянно думать о том, как в этих условиях жить и собирать ежевечерне 1300 человек.

– Значит ли это, что любой эксперимент, который не всегда бывает успешным, Театру эстрады противопоказан в принципе?

– Совокупность всех наших проблем не дает возможности для абсолютного театрального эксперимента. Хотя мы на такое тоже решались. Например, “Птицы” – достаточно экспериментальный спектакль, с драматургией, которая у меня вызывает неоднозначную реакцию. Мы совершенно не гнались

за коммерцией, “Птиц” нельзя вывозить, они играют только на нашей сцене два раза в месяц.

– В каком состоянии находится Театр эстрады, когда вы рискуете принять на себя художественное руководство им?

– Хотите, назову конкретную цифру? 15 мая 1995 года, например, в Театре эстрады давался концерт, на который было продано 13 билетов. Это официальные данные.

– Даже не верится, ведь слово “эстрада” в народе всегда было более чем популярно.

– Мы хорошо помним то время, когда Театр эстрады был монополистом на развлечения, когда все выходящее за рамки жесткой идеологии могло происходить только здесь. Естественно, зрители сюда и ходили. Но потом был построен Концертный зал “Россия”, Кремлевский дворец съездов открыл двери не только для съездов, но и для спектаклей и концертов. Даже в этот период Театр эстрады как-то жил, хотя и не так выгодно. Но как только однолинейная идеология окончательно рухнула, возникло огромное количество альтернативных развлекательных заведений – ночные клубы, казино, рестораны, куда и переместилась эстрада. Это ведь не Театр эстрады ушел от артистов, а артисты от него. Остались лишь те, на которых или уже никто не ходил, или ходили по инерции. Но они все равно представляли собой сходящуюся фактуру, к коей принадлежу и я. В основном это артисты разговорного жанра. Но этот жанр вовсе не требует театра как такового.

– И тогда вы заявили в качестве своей “программы” превращение Театра эстрады в российский аналог парижского “Лидо”?

– Это были романтические представления дилетанта, который сидит перед вами. Но от замысла до воплощения – целая жизнь. Идея наткнулась на техническую неспособность Театра эстрады это выдержать. Ведь изначально это был вообще не театр, а клуб Совета министров СССР. Его сцена вписана в здание, оно не позволяет ее расширить и, как говорил Михаил Сергеевич, углубить. Здесь нельзя поднять декорации вверх, потому что над нами теннисный корт. Попытки решить проблему с кортом, причем на самом высоком уровне, довольно быстро закончились неудачей. Выяснилось, что никакое варьете или ревю здесь не может состояться по определению, если говорить о ревю мирового класса. Я заказал проект, предполагающий перенос сцены в другую сторону, принес его мэру Москвы. Когда Юрий Михайлович это увидел, он потрогал холодными пальцами мой горячий лоб и спросил: “Ты не заболел? Ты понимаешь, что истратить на это деньги – безумие, проще построить новое здание”. Ну и, наконец, “Дом на набережной”, частью которого является Театр эстрады, это памятник архитектуры, пусть и советской. Кто же даст все это рушить? Да и к тому же, я прошу прощения за такую подробность, за кулисами театра всего два унитаза находились в рабочем состоянии и был один душ – на всех. Мы о каком вообще “Лидо” можем говорить?

– Когда идея “Лидо” благополучно скончалась, что пришло ей на смену?

– Я принял этот холодный душ и сказал: ну хорошо, таким образом, я имею малогабаритную сценическую квартиру. Следует жить исходя из этого. Я ведь не могу поставить туда гарнитур, рассчитанный на дворец. Нужна малогабаритная мебель.

Что же это за мебель? Все тот же разговорный жанр? Ну допустим. Но эти артисты требовали предоставить им для выступлений только выходные дни и пятницу. Значит, театр должен работать всего 12 дней в месяц? Я сказал: хорошо, давайте оставим пятницу, субботу и воскресенье за эстрадниками, но в остальные четыре дня здесь должно же что-то происходить. Не может театр быть просто закрыт. В Театре эстрады нет ни ресторанов, ни каких-то подсобок, где можно было бы устраивать званые вечера. Итак, у нас появились театральные спектакли. Это сразу же вызвало некоторую напряженность у артистов разговорного жанра, и не только у них.

– При любой смене направления конфликтность неизбежна?

– Конфликт был инициирован теми людьми, которые выходили на сцену не чаще раза в месяц. Они все жили прошлой театральной жизнью, когда Театр эстрады считался концертной площадкой. Мы дожили до ужасающего состояния, когда невыход на сцену штатного оркестра был выгоднее театру, чем выход. Если оркестр выходит на сцену, он должен кому-то аккомпанировать. Но исполнители, которые собирают публику, имеют свои коллективы или работают под фонограмму. А мы все равно вынуждены были платить оркестрантам деньги, хотя могли бы добавить их более занятым работникам театра к их мизерным зарплатам, предписанным бюджетом. И тогда я сказал: пусть найдут этому оркестру та-

кое место работы, где он будет востребован.

Я не вижу оснований для того, чтоб оправдываться. Это можно делать в том случае, если в твои руки попала отлаженная машина, а ты ее порушил. Но если ты пришел на руины и пытаешься на них что-то построить, это другое дело.

– Пока Театр эстрады в известной мере остается прокатной площадкой, но для театральных спектаклей. По каким критериям вы пускаете к себе “гостей”?

– Поначалу было так: придите хоть кто-нибудь, лишь бы театр не пустовал. Потом я стал думать: хорошо, если бы на сцене нашего театра были представлены работы ведущих театральных режиссеров страны. Не все дают согласие, далеко не все. Но тем не менее у нас идут спектакли Р.Виктока, В.Мирзоева, Б.Мильграма, Л.Трушкина, Е.Каменьковича, даст бог, получится с М.Хуциевым. Это разные режиссерские направления, и в этом смысле наш театр – открытый. Кроме этого, мой интерес заключался в том, чтобы привлечь сюда и лучшие актерские силы. У нас играют И.Чурикова, З.Шарко, Т.Васильева, А.Фрейндлих, О.Басилашвили, В.Золотухин, А.Филиппенко, К.Кавсадзе, Ч.Хаматова, Е.Симонова. Я что-то не вижу ни одного московского театра, который мог бы похвастаться таким составом. Разве что Ленком. Я столько театральных предложений получил, когда понял, что здесь не будет “Лидо”, площадки для монологов, частушек и пародий. Раньше от этой сцены бежали, как от чумы. Теперь этого нет. Мы поменяли световое и звуковое оборудование. Интерьер зрительного зала сегодня отвечает мировым театральным стандартам. И потом, здесь изумительное отношение к артистам со стороны работников театра. Их всех любят. У нас нет интриг, зависти – прежде всего потому, что нет огромной труппы, нет звезд, отягощенных ре-

галиями.

– Означает ли отсутствие труппы отказ от создания своих, “фирменных” спектаклей Театра эстрады?

– Вовсе нет. Конечно, идеальная ситуация, когда все спектакли принадлежат театру. Но у нас пока нет средств на то, чтобы выпускать только свою продукцию. Хотя она существует. В нашем небольшом штате – бывший курс РАТИ профессора Кудряшова. Ребята сделали музыкальную сказку “Ваня и крокодил”, занятые в нашем же спектакле “Птицы”. Сейчас идет работа над мюзиклом “Марлен Дитрих” – это тоже проект Театра эстрады. Ведем переговоры с С.Арцибашевым по поводу спектакля “Лидия Русланова”. То есть, видите, намечается своеобразная линия – “Мария Каллас”, “Эдит Пиаф”, “Марлен Дитрих”, “Лидия Русланова”. На сцене будут жить ушедшие звезды эстрады, но в фактуре театрального спектакля, а не вечера воспоминаний или концерта, посвя-

щенного их памяти. Помимо этого, к работе над английской пьесой приступил Марлен Хуциев. К тому же я не вижу греха в том, что в наших спектаклях будут заняты артисты других театров. Такой принцип сегодня повсеместно существует, кончилось советское крепостное право. А Театр эстрады, безусловно, нуждается в помощи звезд.

– В сочетании слов Театр эстрады главным для вас сегодня является именно театр?

– Я настаиваю на этом. Мне предлагают подумать над изменением названия. Я отвечаю: ни в коем случае. А зачем? Это всего лишь название театра, но не жанра.

– Поощим эстрадным звездам путь на вашу сцену заказан?

– Нынешние звезды живут в режиме гонорарных беспределов. Если сравнить их гонорары с тем, что получает, даже в антрепризном спектакле, великая, на мой взгляд, актриса Чурикова, то создается впечатление, что она работает у этой звезды горничной. Подобный беспредел для Театра эстрады неприемлем.

– Геннадий Викторович, вы свое актерское будущее видите в театральном ключе?

– Да. К сожалению, покинули эту бrenную землю те, с кем я работал. Нет А.Хайта, Г.Горина. Те, кто остался, имеют своих актеров. На сегодняшний день материала полно, но невозможно к нему серьезно относиться. Нет характеров, а значит, актеру нечего делать. И как доказательство моим словам – регулярное выступление на телевидении авторов-исполнителей. Человек написал смешные слова, вышел и сам их прочел, зритель смеется, цель достигнута. И я задаю себе вопрос: а зачем здесь артист? Ведь все-таки моя профессия – актерская. Для нее есть только один материал – драматургия.

– Режиссура вас не манит?

– Нет. По мере сил и возможностей – сорежиссура. А вообще, я точно знаю дорогу, по которой надо двигаться дальше. За три года мне удалось решить главную задачу – вернуть зрителя в Театр эстрады. И никто не может обвинить меня в том, что я говорю неправду. Кроме того, будем продолжать реконструкцию нашего здания. Идет разговор о том, чтобы Театр эстрады превратить в памятник советского конструктивизма 30-х годов. Вот сейчас мечтаю оформить подвал, который мы наконец отвоевали, в виде станции московского метрополитена с витражами на эстрадную тему. А в центре фойе планирую поставить в миниатюре копию фонтана “Дружба народов”, что на бывшей ВДНХ, с пятнадцатую скульптурными столпами советской эстрады – К.Шульженко, А.Райкина, Л.Утесова и других. Правда, не готов ответить на вопрос, откуда будет литься вода...

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА

Фото ИТАР – ТАСС

